

КОНЦЕПЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ЮНОШЕСТВА В ЦЕРКОВНЫХ ПРОПОВЕДЯХ МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНИЯ (БОЛХОВИТИНОВА)

DOI: 10.25629/НС.2019.09.02

Клочкова М.Ю.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена педагогическая концепция русского религиозного просветителя митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова), источником для изучения которой стали его церковные проповеди разных лет. Выявлены особенности российской просветительской мысли о воспитании как средстве достижения общественного блага. Существенным вопросом, обсуждаемым российскими просветителями, стала проблема соединения публичного и частного образования в общую систему народного просвещения. Педагогические взгляды просветителей распространялись как через периодическую печать, так и посредством церковной проповеди. Показано сходство педагогических воззрений митр. Евгения (Болховитинова) и сторонников религиозно-нравственного воспитания юношества Н.И. Новикова и А.А. Прокоповича-Антонского. Церковные проповеди Евгения содержат его рассуждения о целях и средствах семейного воспитания, об обязанностях родителей. На семью возлагалась ответственность за сохранение жизни и здоровья будущих граждан, за их нравственное воспитание, развитие умственных и физических способностей, за формирование полезных членов общества. Педагогическая концепция Евгения (Болховитинова) строилась на гуманистических принципах отношения к ребенку с особым вниманием к детству как важному этапу формирования человеческой личности.

Ключевые слова: Эпоха Просвещения, русское религиозное просветительство, церковная проповедь, религиозно-нравственное воспитание.

Введение

Задача воспитания юношества в Эпоху Просвещения была поднята с частного на государственный уровень. В конце XVIII в европейские просветители развернули публичную дискуссию, в ходе которой выдвигались различные педагогические теории и проекты, сходящиеся в том, что главным инструментом формирования полезного обществу человека и гражданина должна стать созданная государством система национального образования [1]. Автор переведенного на русский язык трактата о воспитании французский просветитель Луи-Рене Каралек де Ла Шалоте (1701–1785) утверждал: "Благо общее, честь народа требуют, чтобы... учреждено было гражданское воспитание, которое бы предуготовляло всякого звания молодых людей к отправлению с успехом разных в государстве должностей" [2]. Российские государственные деятели, разрабатывавшие и претворявшие в жизнь образовательные планы Екатерины II, высказывались в пользу публичного образования, способного обеспечить умственное развитие юношества, его подготовку к государственной службе [3-5]. Русский просветитель Антон Антонович Прокопович-Антонский (1763–1848) признавал как преимущества публичных школ, так и их "неудобства", которые могли быть устранены дальнейшим развитием системы образования и совершенствованием педагогического инструментария. Однако при всех своих недостатках именно домашнее образование было способно сохранить в ребенке теплую привязанность к своим родителям, обеспечить учет его индивидуальных особенностей в процессе его становления как полезного члена общества и sobлюсти гуманистические подходы к воспитанию, характерные для просветительской педагогики. Прокопович-Антонский, опираясь на античные примеры, утверждал: "Афиняне, желая удержать выгоды публичного и частного воспитания и избежать неудобств того и другого, старались оба соединить вместе... Воспитание афинян можно было почесть самым лучшим, если бы домашнее и публичное равно устремлено было к одной цели, равно служило к укреплению здоровья, к просвещению ума и сердца" [6].

Вслед за просветителем и издателем Николаем Ивановичем Новиковым (1744–1818), считавшим, что "всех познаний и наук предмет есть тройкий: мы сами, природа или натура и Творец всяческих" [7], Прокопович-Антонский распространял посредством периодической печати свои взгляды о необходимости религиозно-нравственного воспитания юношества, в котором решающая роль отводилась семье и церкви [8].

Похожие педагогические взгляды мы встречаем у церковного проповедника митр. Евгения (Болховитинова), в молодые годы сотрудничавшего с Новиковым [9]. Ему был знаком Прокопович-Антоновский и его сочинение о воспитании, экземпляр которого в личной библиотеке Евгения сохранил на своих страницах следы внимательного прочтения [10].

Митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Евфимий Алексеевич Болховитинов) (1767–1837), историк, библиограф и археограф, знаток славянских древностей, создатель словарей светских и духовных писателей [11–12] был одним из активных деятелей просвещения в России. Он много преподавал, принимал участие в создании системы духовного образования [13]. Свои размышления о воспитании человека как средстве гармонизации общественной жизни он обращал к слушателям в виде церковных проповедей. В них соединялись рассуждения церковного оратора о богословском содержании евангельского чтения или церковного праздника с нравочужениями, касающимися повседневной жизни христианина.

Наставления о воспитании

Евгений неоднократно обращался к верующим с наставлением о воспитании детей. "Пещись о детях своих, – говорил он, – обязывает всех родителей Закон Божий, закон естественный и собственная их совесть... Ты должен в младенчестве и детстве охранять их, ты должен в юношестве научать и руководствовать их, ты должен в самой старости не оставлять их советами. Всякое добро, которое они сделают, есть твое собственное добро, и всякое зло их тебе обратится в поношение... Добродетели и пороки детей зависят от воспитания" [14, III, С. 464–465]. Евгений уподоблял воспитателя доброму садовнику, который очищает гнилые листья, выпрямляет и подвязывает слабые стебли, обрезает лишние отрасли, пока дерево еще гибко и податливо. Так и о детях следует заботиться, пока еще не огрубели их нравы, не отвердело сердце и не укрепились дурные привычки. В деле воспитания важно не столько прививать навыки светского обхождения и поведения в обществе, сколько заботиться об уме и сердце своего чада. По мнению Евгения, сущность воспитания состоит в том, чтобы приучить детей к добродетели и непритворному добросердечию, привить им отвращение к пороку не из стыда, а от осознания греховности дурных поступков. Добиться этого можно "не светскими науками, не наружной учтивостью, но единственно страхом Божиим и благочестием... Итак, кто воспитает чад своих в страхе Божии, тот сделает их добрыми детьми, добрыми гражданами, добрыми подчиненными, добрыми начальниками и, наконец, Богу угодными человеками. Таковой родитель заслужит и на земли почтение от людей, и по смерти прославление" [14, III, С. 467–468].

Евгений привлекал внимание родителей к сохранению дарованных Богом жизни и телесного здоровья своих чад. В "Пастырском увещании о прививании предохранительной коровьей оспы" [15] он указывал на то, что не все родители, искренне любящие своих детей, "употребляют нужные к сохранению их средства, особливо в младенчестве, в коем полагается основание их здравия, крепости и целости на всю жизнь. Потому что иные и не ведают средств сих, а иные пренебрегают даже известными, и от того, вопреки предопределению Божию, теряют безвременно большую часть детей своих, столь нужных для них и для всего человечества" [14, IV, С. 277]. Особую опасность Евгений видел в распространении свирепствовавшей во всех частях света оспы, производившей большие опустошения, чем кровопролитные войны. "Сколько ж любезнейших себе чад родители теряют от сей болезни! – говорил он. – Сколь многие дома лишаются от нея потомков, подпор и украшений своего рода! Сколь многих благонадежных граждан тратит Отечество!" [14, IV, С. 280]. Ссылаясь на указ Синода от 10 октября 1804 г., предписывающий духовенству объяснять верующим пользу прививания коровьей оспы младенцам "для отвращения безвременной смерти их" и опасность в угоду суетствующим предрассудкам пренебрегать этим изобретением медицины "яко ко благу общественному клонящемся" [14, IV, С. 283–284], Евгений утверждал полезность этого средства

для "сохранения сим прививанием российского народа" [14, IV, с. 284] и призывал христианских родителей не взирать равнодушно "на пагубу чад своих, в залог благоволения от Бога ему подаваемых, имея средство предохранить и спасти их" [14, IV, с. 286]. Проповедник прибегал к евангельскому слову и святоотеческим примерам, стремясь рассеять все предрассудки и предубеждения верующих против обращения к врачам и применения медицинских средств. Он предлагал различать предопределенную Богом смерть, а также христианское мученичество и кончину на поле брани как результат добровольного выбора человека от смерти невинного ребенка вследствие бездействия его родителей: "Когда Бог явно не определяет нам смерти или когда смерть наша не приносит пользы ни вере, ни Церкви, ни ближним, ни Отечеству, и когда, напротив, того жизнь наша им нужна и полезна, то можно ли думать, чтобы Бог, не хотяя смерти и грешнику, могущему обратиться, восхотел оной безвременно невинным тварям? И благоразумно ли подвергать жизнь очевидной опасности, слепо предаваясь токмо неизбежному року?" [14, IV, с. 289]. На родителей возлагалась полная ответственность за сохранение жизни и здоровья будущих граждан своего Отечества.

Митр. Евгений обращался с призывом к духовенству вразумлять свою паству этим и подобными наставлениями, убеждать родителей своевременно употреблять прививание коровьей оспы, внушать им, что "если они по упорству не воспользуются сим спасительным средством, то пагубою чад своих, часто естественною оспою умерщвляемых, окажутся они недоброхотными Отечеству, неблагодарными попечительнейшему нашему монарху, непокоривыми самому промыслу Божию... А хотя бы дети их и спасли жизнь свою от пагубы естественныя оспы, то не меньше виновными пребудут родители в частых последствиях оных: в увечье, безобразии, слабости и долговременных немощах, коих никакое наследие благ родительских детям вознаградить не может" [14, IV, с. 303]. Для большей убедительности безопасности и пользы прививания коровьей оспы митр. Евгений предлагал духовенству ставить привитых детей на богослужениях впереди всех на особом месте, объявлять в церкви их имена, а также публично увещевать тех, кто по небрежению потерял кого-либо из семьи вследствие кончины от этой болезни [14, IV, с. 317].

Помимо здоровья родители должны заботиться об условиях земной жизни своих детей. Евгений причислял желание обеспечить безбедное существование своих наследников к числу немногих благовидных причин, оправдывающих накопление христианином богатства. Но в естественном стремлении родителей видеть своих детей счастливыми и обеспеченными им не следует пренебрегать умственным и нравственным развитием своих чад. Он говорил: "Счастье детей зависит не от богатства, а от добраго воспитания. Сыну глупому не в помощь и богатство, говорят мудрые. Итак, употреби лучше богатство твое на просвещение ума детей твоих и улучшение их сердца. Научи их рассудок различать истинное от ложного, справедливое от неправедного, честное от бесчестнаго. Наклони сердце их к трудолюбию, к терпению, к чело- веколюбию, к благотворительности; научи их самих не презирать бедности, не огорчаться лишением, праведно приобретать и праведнее употреблять приобретенное, хотя и небольшое имение. Вот богатство, которого лучше ничего дать им ты не можешь! Они тогда оставшись и без твоего наследия не погибнут от бедности... А без того все твое имение послужит им только в погибель" [14, II, С. 20]. Если подверженный страсти любостыжания родитель научит своих чад уважать только богатство, то наследники его будут предаваться роскоши и непомерным тратам и вскоре потеряют все свое имение, "ибо цену и употребление богатств знают только те, которые умеют праведно приобретать и употреблять, а не сохранять только или расточать оное" [14, II, С. 21]. Так стяжание богатства как единственное средство попечения о детях делает несчастными не только их, но и последующие поколения. "Отец, собирая, сам в жизни воспользоваться им не успел, сын, получив наследство без добраго воспитания, употребить его не умел, а внуку часто достается быть нищим, презренным и поруганным за предков своих" [14, II, С. 21–22], – убеждал своих слушателей проповедник.

В деле научения детей евангельским истинам Евгений предлагал родителям ориентироваться на соответствующее возрасту умственное развитие своего ребенка. Он говорил: "Едва раскрывается ум его, то первым предметом предлагается ему Богопочитание; и едва язык его

привыкает произносить звуки, то научается призывать виновника природы... Но когда разум его с годами усовершенствуется, то благочестивыми родителями открываются ему подробнее совершенства Божии; а потому убедительнее толкуются ему из оных и должности его" [14, II, С. 64–65]. Важнейшим после участия в церковных таинствах средством воспитания Евгений считал обращение к примерам благочестивых предков. Используя прием оживления ситуации, он произнес слова отеческого наставления, обращенные к своему сыну: "Пойдем, – говорит он ему по исходе из храма, – на гробы предков наших. Здесь, чадо, покоится прах добродетельнейшего предка нашего, служившаго верно Церкви, Государю и Отечеству. Здесь погребен отец мой, давший мне доброе воспитание и заповедавший мне передать оно тебе. Здесь лежит благодетель всего нашего рода и, следовательно, твой. Со временем и мы заключимся с ними во мраке гроба. На земли ничего нашего не останется, кроме памяти, добродетелей или пороков. Ничего кроме сего не принесем мы и пред суд Божий. В первых заключается и слава истинная на земли, и вечное наше блаженство на небеси; а в последних посрамление наше и вечная пагуба" [14, II, С. 66–67]. Но еще большее влияние на формирование нравственности ребенка оказывает личный пример его родителей. "Юный возраст подобен нежному растению, всюду свободно изгибаемому. Он даже сам собою заимствует все мысли и склонности, окружающих его. И так надлежит только родителям быть такими пред чадами своими, какими хотят они их соделать, и представлять им свои добрые примеры и своих предков" [14, II, С. 67], – утверждал Евгений.

О родителях, пренебрегающих заботой о христианском воспитании своих чад, он говорил: "Что пользы, когда изострят они ум их знаниями, не внушив им прежде всего, что премудрости начало страх Господень (Притч. 1:7, Сирах. 1:15), и что истинный конец просвещения есть приобретение добродетелей?" [14, II, С. 68–69]. Без них ни богатство, ни положение в обществе не обеспечивают благополучия детей ни во временной, ни в вечной жизни. Более того, сами родители, проявившие безрассудство и небрежение в деле воспитания своих чад, наказываются неблагодарностью, жестокостью и развращенностью своих детей. Христианское воспитание детей в представлении Евгения являлось залогом семейного благополучия, строившегося на прочной связи и взаимной ответственности различных поколений.

Человек мыслился Евгением как существо общественное по своей природе. Он считал, что человек "так сотворен, что беспрестанно имеет нужду в помощи других и беспрестанно сам надобен для других. Сим самим Бог восхотел составить единство обществ и взаимную любовь людей" [14, IV, С. 86–87]. Наиболее остро общественная сущность человека проявлялась во время бедствий, связанных с нашествием Наполеона на Россию, для преодоления которых потребовались объединенные усилия сограждан. Об этом вологодский архиепископ Евгений рассуждал в проповеди "На случай получения высочайшей грамоты, пожалованной дворянству за милицию в войне с галлами" (1812 г.). Он предлагал своим слушателям обратить взор на свою природу, нужды, силы и способности и убедиться, что "хотя жизнь наша есть первое и существеннейшее наше благо, но удовольствия оной зависят от совокупления с удовольствиями других. Ибо человек был бы беднейшее творение и несчастнейшее бессловесных животных, если бы от рождения предоставлен был только самому себе... В нем не раскрылись бы ни надлежащая силы, ни способности, отличающая его от всех земнородных, если бы не развернули их, во-первых, попечения родителей, а более звания общественныя" [14, IV, С. 230–231]. Приобщение человека к гражданским обязанностям, к заботе об общественном благе, по мнению церковного оратора, являлись непременным условием совершаемого родителями воспитания достойного члена общества. Он считал, что отношение ребенка к своему Отечеству закладывается в семье, где каждый ее член проявляет любовь и благо разумное попечение о своих домашних, "однако бывают случаи, когда гражданин обязан отторгаться от сих уз, бывают случаи, когда он должен жертвовать ими, посвящать все свое и самого себя благу всех соотечичей, оставлять объятия отца, матери, супруги, чад, сестер и братьев. Ибо если он их предпочтет благу общему, то будет недостоин имени благомысленного гражданина и верного сына Отечеству, которое должно почитать драгоценнее всех своих удовольствий, всех благ, всех обязанностей, возлагаемых на нас общежитием, всех уз, привязующих нас к самой жизни. Словом

сказать, нет жертвы, которая могла бы исключена быть из себя повинности и нет извинения, которое могло бы оправдать отрицающегося. Таков долг есть всякого человека, живущаго в обществе и имеющаго Отечество!" [14, IV, С. 229–230]. Способность человека объединять свои усилия с другими членами общества для достижения общего результата делает его самого обладателем общественного достоинства, которое накоплено многими поколениями предков. Евгений утверждал, что люди, "соединенные отечественным узлом общежития", гораздо более благополучны, чем живущие поодиночке, так как им доступны многократно увеличенные согражданами силы, способности, дарования, труды и средства "к общему довольству и изобилию" [14, IV, С. 232]. "Все сии выгоды, – говорил он, – приобретаем мы не сами собою и не от одних родителей наследуем, но получаем от целаго Отечества, составляющагося из союза многих частных людей, многих семейств, многих родов и поколений. Большею частию тех самых благ, которыми в настоящем времени пользуемся, одолжены мы предкам, не щадившим для благосостояния потомства своих сил, своих имений и самую свою жизнь. И так, не сохранить то, что они для нас сохранили, не защитить то, что они животом своим для нас защищали, не доставить преемникам нашим залог их, нам оставленный, было бы к ним неблагодарностию, потомству предательством, а всему Отечеству изменою. Все сии обязанности лежат на каждом отце семейства, на каждом гражданине общества, на каждом верноподданном и сыне Отечества" [14, IV, С. 232–233].

Евгений видел главную задачу семейного воспитания в наиболее полном раскрытии заложенных Богом природных способностей ребенка и обращении их к его собственной пользе и благу общества. Евгений считал, что само положение человека в обществе должно зависеть от его природных дарований. Он говорил: "Как ни думают люди, что будто можно приобрести достоинства воспитанием и тщанием, либо домогательствами и происками, но Слово Божие и повсюду очевидные примеры опровергают сие уверение. Можно приобрести чины, титула, все наружные преимущества старанием, дружбами, ходатайствами, милостыями, угодливостью, хитростями, обманами, подкупам и прочими лукавствами. Но иметь достоинство нельзя иначе, как с природными к тому дарованиями, то есть свыше от всеблагаго промысла Божия" [14, I, С. 282–283]. По убеждению Евгения, душевные и умственные склонности, а не унаследованные титулы, связи и имения должны определять общественное положение человека. Однако в реальности дело обстоит иначе. Евгений отмечал: "Часто мы видим людей низких способнейшими высших, людей бедных искуснее и успешнее рожденных в богатых семействах, и напротив, детей знатных хуже простолюдинов" [14, I, С. 283]. Смягчить это несоответствие возможно на этапе воспитания будущего члена общества в том случае, если родители смогут распознать природные склонности ребенка и будут принимать их во внимание при выборе для него рода занятий. "Сами родители, – подчеркивал Евгений, – нередко замечают в единоутробных даже детях своих чрезвычайное различие, и счастливы были бы дети, когда бы родители избирали им состояния и звания по способностям их, а не по тщеславию и честолюбию. Ибо для инаго сына было бы полезнее и честнее быть художником, нежели чиновником. И могут ли титула, чести, преимущества приобрести истинное от людей уважение тому, кто не рожден и от Бога не предопределен к оным? Что может быть презреннее, как видеть, например, невежду, поставленнаго на месте наставника другим, судию, не понимающаго ни порядка в суде, ни законов, горделивца, тщеславящагося родом своим, но не имеющаго в поступках ни черты благородства, что может быть, говорю, презреннее того, кто не способен быть тем, чем он есть?" [14, I, С. 283].

Выводы

Следуя в русле просветительского отношения к воспитанию как средству достижения общественного блага, Евгений (Болховитинов) рассматривал личность ребенка не в руссоистском ключе, как *tabula rasa*, содержание которой формируют семейное окружение, впечатления детства и общественная среда, а как человека, чей род деятельности и положение в обществе предопределяются дарованными Богом природными способностями, а задачей воспитателей становится выявление и развитие природных задатков своих подопечных.

Евгений считал дело воспитания юношества важной задачей семьи и общества. Формирование достойного гражданина Отечества, по его убеждению, должно было начинаться с благоразумного попечения родителей о жизни, здоровье и материальном достатке своего чада, соединенного с заботой о его образовании, просвещении ума и сердца, воспитании в духе христианского благочестия. Существенным фактором гражданского воспитания должна была стать обстановка семейной любви и взаимной ответственности ее членов, способствующая раскрытию склонностей ребенка, дающая ему представление о связи поколений и правилах человеческого общежития. Решающая роль в процессе воспитания гражданина отводилась обществу, располагавшему, по убеждению митр. Евгения, совокупным достоянием многих поколений предков и способному создать условия для реализации природных дарований своих членов, объединяющих свои усилия в процессе созидания общественного блага.

Литература

1. Мир. Просвещения. Исторический словарь/Под ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша/Пер. с итал. Н.Ю. Плавинской под ред. С.Я. Карпа. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 248–258.
2. Опыт народного воспитания или Чертеж наук / В пользу юношества сочиненный г. Людовиком-Ренатом де Карадюк де ла Шалотом, королевским Бретанского парламента генералом прокурором. Перевел с французского Р. Гвоздиковский. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770. С. 2.
3. Бецкой И. И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества / Конфирманное ея имп. величеством 1764 года марта 12 дня. СПб.: Сенат. тип., 1764. 4 с.
4. Теплов Г. Н. Начальное рассуждение о плане для учреждения публичных училищ // Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв./Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1910. С. 5–9.
5. Янкович де Мириево Ф. И. Правила для учащихся в народных училищах / Изданныя по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторыя. СПб.: Тип. Брейткопфа, 1786. 24 с.
6. Прокопович-Антонский А. А. О воспитании / А. А. Прокопович-Антонский. М.: Изд-во Московского университета, 1818. С. 68.
7. Новиков Н. И. Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства знание // Н.И. Новиков. Избранные произведения. М., Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. С. 408.
8. Ратников К. В. Преемственность идеалов религиозно-нравственного воспитания в русской журналистике рубежа XVIII–XIX веков (по материалам публицистических работ Н. И. Новикова, А. А. Прокоповича-Антонского и Н. М. Карамзина) // Медиафера-2006: Альманах факультета журналистики Челябинского гос. ун-та. Челябинск: Энциклопедия, 2008. С. 77–90.
9. Шмурло Е. Ф. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. С. 55–57.
10. Рукавіщина-Гордзієвська Є. В. Київський митрополит Євгеній (Є. О. Болховітін). Біобібліографія. Бібліотека. Архів. Київ: Нац. акад. наук України, Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського. 2010. С. 231.
11. [Евгений (Болховитинов), митр.] Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви. Ч. I–II. СПб.: В тип. И. Глазунова, 1827. 710 с.
12. [Евгений (Болховитинов), митр.] Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России Т. I–II. М.: В университетской типографии, 1845. Т. 1–328 с.; Т. 2–290 с.
13. Чистович И. А. Руководящие деятели духовнаго просвещения в России в первой половине текущаго столетия. Комиссия духовных училищ. СПб.: Синодальная типография, 1894. С. 86–87, 246–261.
14. Собрание поучительных слов, в разные времена и в разных епархиях проповеданных, святейшаго правительствующаго Синода и Комиссии духовных училищ членом Евгением

митрополитом Киевским и Галицким, Киево-Печерской лавры Священно-архимандритом и разных орденов кавалером. Часть I–IV. Киев: В типогр. Киево-печерской Лавры, 1834. Ч I–440 с.; Ч. II–447 с.; Ч. III–490 с.; Ч. IV–323 с.

15. Евгений (Болховитинов), митр. Пастырское увещание о прививании предохранительной коровьей оспы. СПб.: При Св. Правит. Синоде, 1811. 22 с.; М., 1811; СПб.: В мед. тип., 1813. 32 с.; СПб.: В мед. тип., 1827. 32 с.

Клочкова Марина Юрьевна. SPIN-код: 5484-1205. E-mail: mrk01@mail.ru

Дата поступления: 13.07.2019

Дата принятия к публикации 10.09.2019

CONCEPT OF YOUTH EDUCATION IN THE CHURCH SERMONS OF METROPOLITAN EUGENE (BOLKHOVITINOV)

DOI: 10.25629/HC.2019.09.02

Klochkova M. U.

Lomonosov Moscow state University
Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the pedagogical concept of the Russian religious enlightener Metropolitan of Kiev and Galitch Eugene (Bolkhovitinov), the source for the study were his church sermons of different years. The features of the Russian enlightened idea about education as a means of achieving the public good are revealed. The essential issue discussed by the Russian enlighteners was the problem of combining public and private education into the general system of public education. The pedagogical views of the enlighteners were distributed both through the periodical press and through church sermon. The similarity of pedagogical views of Eugene (Bolkhovitinov) and supporters of the religious and moral education of youth N. I. Novikov and A. A. Prokopovich-Antonsky. Church sermons of Eugene contain his views on the goals and means of family education, on the duties of parents. The family was responsible for preserving the life and health of future citizens, for their moral education, the development of mental and physical abilities, the formation of useful members of society. The pedagogical concept of Eugene (Bolkhovitinov) was based on the humanistic principles of attitude to the child with special attention to childhood as an important stage in the formation of the human personality.

Keywords: Age of Enlightenment, Russian religious enlightenment, church sermon, religious and moral education.

Klochkova Marina Yuryevna. E-mail: mrk01@mail.ru

Date of receipt 13.07.2019

Date of acceptance 10.09.2019